

С.Н. Мещеряков (Москва, Россия)

Станислав Краков: писатель и воин

Аннотация: Имя С. Кракова, писателя и воина, героя Балканских войн и Первой мировой войны, сотрудничавшего с сербским правительством в 1942–1944 гг., было фактически реабилитировано в конце XX в. и получило широкую известность в Сербии. Экспрессионистский военный роман «Крылья» (1922), высшее художественное достижение писателя, представил последний год войны на Салоникском фронте в форме монтажа сменяющихся картин. Жизнь героев у Кракова представлена как проявление всепобеждающего Эроса и Танатоса. В произведении проявилось сочетание романтических и натуралистических сцен, драматического и лирического начала.

Ключевые слова: С. Краков, Балканские войны, Первая мировая война, военный роман, экспрессионизм, драматизм, лирическое начало, натуралистические сцены

S.N. Meshcheriakov (Moscow, Russia)

Stanislav Krakov: Writer and Warrior

Abstract: Stanislav Krakov, writer and warrior, hero of the Balkan Wars and First World War, who worked for the Serbian government from 1942 to 1944, was rediscovered in the late 20th century and became vastly popular in Serbia. His masterpiece “Wings” (1922), an Expressionist war novel, features the last year on the Salonika front as a series of film shots selected from the footage. The life of Krakov’s characters is totally under the control of Eros and Thanatos. The novel contains both romantic and naturalistic scenes, as well as dramatic and lyrical features.

Key words: Stanislav Krakov, Balkan Wars, World War I, war novel, Expressionism, dramatic and lyrical features, naturalistic scenes

Станислав Краков (1895–1968) известен в нашей стране лишь узкому кругу специалистов. Его имя крайне редко упоминалось и в Югославии вплоть до 1990-х гг.¹ Однако в Сербии в конце XX – начале XXI в. оно вновь получило широкую известность.

¹ Автор фундаментальной работы «Поэтика хорватского и сербского экспрессионизма» Р. Вучкович лишь трижды бегло упоминает имя Кракова. См.: *Vučković R. Poetika hrvatskog i srpskog ekspresionizma. Sarajevo, 1979. 419 s.* Й. Деретич в классической «Истории сербской литературы» лишь однажды проносит имя Кракова. См.: *Деретич Ј. Историја српске књижевности. Београд, 1983. 706 с.* Исключение представляет монография С. Корача «Сербский роман межвоенного периода. 1918–1941», где автор дает краткий анализ двух романов Кракова. См.: *Корач С. Српски роман између два рата. 1918–1941. Београд, 1982. 605 с.*

Его произведения многократно переиздаются, выходит собрание его сочинений, о нем пишет критика, ему посвящены многочисленные творческие вечера и документальные фильмы, особенно в связи с 120-летием и 125-летием со дня рождения, выходит в свет его подробная биография, его жизненный путь представлен в радиодраме. Писатель и журналист, кинорежиссер, публицист и воин, С. Краков на протяжении 1920–1930-х гг. был весьма значимой личностью в своей стране.

Отец С. Кракова доктор Сигизмунд (Зигмунд) Краков был поляком и принадлежал к знатному аристократическому роду, известному с XVII в. После поражения польского восстания 1863 г. он эмигрировал в Париж, а в 1885 г. во время сербско-болгарской войны переехал в Сербию, где занялся лечением сербских воинов. Был личным врачом сербского короля Петра I (1844–1921), скончался от туберкулеза в 1910 г.

Мать С. Кракова Персида, урожденная Недич, по материнской линии была из семьи известного участника Первого сербского восстания (1804–1813) кнеза (старейшины) Николы из села Зеоке. По отцовской линии она принадлежала к семье знаменитых сербских героев из времен Первого сербского восстания Глигория и Димитрия Недичей, прославившихся в битве при Чокешине¹. При этом Недичи были в родстве с правящей династией Карагеоргиевичей, и в детстве Станислав играл с наследником престола Георгием и принцем Александром.

Естественно, что в семье с такими традициями идея служения стране и престолу была на первом месте, и Сигизмунд Краков не случайно перед смертью завещал сыну хранить честь даже ценой собственной жизни. И Станислав Краков всегда следовал этому завету.

Во время политического кризиса 1908–1909 гг., вызванного австрийской аннексией Боснии и Герцеговины, тринадцатилетний Краков пытается записаться в добровольцы и попадает в число санитаров. В 1912 г. во время Первой балканской войны С. Краков уже принимает участие в боевых действиях. Невысокого роста (ниже винтовки со штыком), он тем не менее проявляет завидную храбрость и получает трофейную саблю Фети-паши, командующего турецкой Вардарской армией. В 1913 г. С. Краков сражается с болгарами во Второй балканской войне. За участие в Балканских войнах был награжден тремя медалями.

В 1913 г. Краков был принят в Военную академию. С начала Первой мировой войны он вновь сражается за Отечество и проходит через все ужасы отступления сербской армии в 1915–1916 гг. В 1918 г. принимает участие в прорыве Салоникского фронта, будучи первым из первых и заслужив признание «героя над героями». Был первым сербским офицером, вступившим в 1918 г. на территорию Австро-Венгрии. Всего во время боевых действий Краков был ранен семнадцать раз. Иногда его приходилось оперировать без анестезии из-за слабого сердца. Получил девять боевых наград, в том числе высшее воинское отличие «Золотую медаль М. Обилича за храбрость»². Всего он был награжден восемнадцатью орденами и медалями.

Супруга С. Кракова Иванка Михайлович также в юности рисковала своей жизнью ради Сербии. В шестнадцатилетнем возрасте она вместе со своей матерью Милицей Михайлович, личным стоматологом короля Петра I, была арестована в Австро-Венгрии как агент сербской разведки и осуждена на смерть через повешение. И лишь дипломатическое вмешательство всесильного полковника Аписа, обменявшего мать и дочь на нескольких австрийских агентов, спасло жизнь этим женщинам.

¹ Битва при монастыре Чокешина от 16 апреля 1804 г. была воспета знаменитым сербским певцом-скажителем Филиппом Вишничем и была названа Леопольдом Ранке «сербскими Фермопилами».

² Милош Обилич – легендарный сербский герой, убивший во время Косовской битвы (1389) турецкого султана Мурада I.

В июне 1920 г. Краков, бывший до этого офицером разведки, совершает попытку самоубийства: во время смотра, взяв у одного из солдат пистолет, стреляет себе в сердце. Вновь трехчасовая операция проходит без анестезии.

Газеты намекали, что причиной подобного поступка стала несчастная любовь. Однако сам Краков в заявлении полиции отвечал, что толчком к этому действию послужило его оскорбленное достоинство человека и солдата: с 1918 по 1920 г. сербское правительство отправило в отставку три четверти сербских офицеров, выживших участников военных событий 1912–1918 гг., а на их места приняло бывших офицеров Австро-Венгрии. В июне 1921 г. сам Краков был отправлен на пенсию.

Путешествовал по Италии, Испании, Португалии, Северной Африке. Писал путевые записки, в том числе о Южной Сербии, получившие широкое признание. С 1921 по 1941 г. занимался журналистикой, был редактором и членом редакций многих печатных изданий, директором Радио Белграда. В 1920–1930-е гг., защищая национальные интересы Сербии, активно полемизировал со сторонниками националистических идей в Хорватии, а также с итальянскими политиками из-за своей критики в адрес Муссолини.

Краков встречался с королем Александром Карагеоргиевичем, в 1934 г. сопровождал его в последнюю поездку в Марсель, где тот был убит македонским националистом. Выступал противником «герmanoфила» премьер-министра М. Стоядиновича, который в 1938 г. присутствовал в качестве гостя и наблюдателя на съезде национал-социалистической партии в Нюрнберге.

Общался с самыми влиятельными людьми в Сербии. Получил в Польше многомиллионное наследство. Перед Второй мировой войной, не желая даже на время расстаться с родиной, Краков отказался от должности посла Королевства Югославии в США. Он увлекался авиацией, был самым известным в Сербии библиофилом (в его библиотеке было десять тысяч редких книг, из них две тысячи инкунабул, т. е. книг, изданных до 1501 г.), выдающимся нумизматом, владел коллекцией икон, вызывавшей интерес самого короля Александра. Снял фильмы «За честь отчизны» (1930) (новая версия «Голгофа Сербии» появилась в 1940 г.) и «По землям наших царей и королей» (1932).

Нападение гитлеровской Германии на Югославию 6 апреля 1941 г. Краков пережил как личную трагедию: вернувшись в Белград, он до начала июня находился в добровольной самоизоляции. Через два месяца он отказался подписать «Обращение к сербскому народу», направленное против коммунистов, полагая, что под оккупацией не следует заниматься политикой.

С июня 1941 по февраль 1944 г. Краков несколько раз был на допросах в гестапо, каждый из которых мог окончиться арестом. Ему вменяли в вину сочувствие Франции и Польше, нежелание сотрудничать с немцами, принадлежность к еврейской нации (последнее утверждение было в политических целях высказано его противниками). В подобных условиях Краков был вынужден принять предложение своего дяди генерала Милана Недича, возглавившего сербское правительство при немцах¹, и стать главным редактором печатного органа правительства «Обновление». Впрочем, и тогда Краков часто был на волосок от гибели: некоторые постановления гестапо печатались с опозданием, в отдельных случаях редакция

¹ Современная трактовка в Сербии деятельности М. Недича, заслуженного и уважаемого боевого генерала, значительно изменилась в лучшую сторону в сравнении с восприятием его действий в социалистической Югославии. Изменилось отношение к Недичу и в нашей стране. См. статью о М. Недиче в Большой российской энциклопедии.

устраивала саботаж. Так, рядом с объявлением о «достойных» делах фашистов могла появиться фотография расстрелянных сербов.

В 1944 г. Краков оставил Сербию и бежал в Австрию, а впоследствии во Францию. Бедствовал, скрывался под чужим именем и жил благодаря чужой помощи. Спасаясь от выдачи югославским властям, он совершил попытку самоубийства. Скончался в Швейцарии в декабре 1968 г.¹

Краков – автор двух романов: «Сквозь бурю» (1921) и «Крылья» (1922), сборника рассказов «Красный Пьеро (опубликован в 1992 г.), художественной автобиографии «Жизнь человека на Балканах» (опубликована в 1997 г.). Его перу принадлежат также историко-публицистические труды: «Наши последние победы» (1928), «Пламень четничества» (1930)², «Наследник престола Петр» (1933) и «Милан Недич» (т. 1. 1963; т. 2. 1968).

В 1920-е гг. он принадлежал к числу наиболее известных молодых писателей-модернистов, был в дружеских отношениях с ними. Его имя звучало рядом с именами С. Винавера, Р. Петровича, С. Миличица³.

Первый роман Кракова «Сквозь бурю» («Кроз буру») был написан на фронте в 1917–1918 гг. и воспринят критикой как роман сентиментальный и военный⁴. В этом произведении молодые люди встречаются во время Первой мировой войны в поезде и влюбляются друг в друга. Затем следуют расставания и неожиданные встречи. В конце действия юноша офицер ранен, а любимая девушка погибает у него на глазах⁵.

Известный сербский литературовед С. Корач критически подошел к этому роману⁶. По его мнению, Краков недостаточно полно представил картину военных событий и не смог ярко показать ни армию, ни народ, ни жизнь подвергнувшегося артобстрелу города. Впрочем, Корач не отрицал и психологической оправданности поведения героев, так как на войне все происходит в ускоренном темпе, а жизнь и смерть идут рука об руку.

Настоящую известность принес Кракову его второй роман – «Крылья» («Крила»), художественные достоинства которого сразу были отмечены критикой. Так, М. Богданович писал, что писатель реалистически достоверно представил ужасы войны, оргии смерти и оргии страсти. Фрагментарность повествования, по мнению критика, свидетельствовала об отражении хаоса, царящего в годы безвременья⁷. Впоследствии С. Корач также отметил ценность романа, подчеркнув необычность сочетания лирического тона с натуралистическими картинами в описаниях войны. С другой стороны, сербский литературовед не увидел в произведении Кракова «ни вечных идей, ни твердых принципов»⁸.

¹ Подробную биографию С. Кракова представил Н. Берез в статье «По следам Станислава Кракова» («Стопама Станислава Кракова»); см.: doi.org/10.18485/bratstvo.2017.21.10

² Четничество – национально-патриотическое движение в годы Балканских войн и Первой мировой войны. Четники (от слова «чета» – отряд) были тогда наиболее боеспособными иррегулярными формированиями сербских войск.

³ См.: Деретић Ј. Историја српске књижевности. Београд, 2011. С. 1120.

⁴ См.: Букић А. Романи Станислава Кракова // Летопис Матице Српске. Нови-Сад, 1922–1923. С. 301; Манојловић Т. Кроз буру. Београд: Мисао, 1921.

⁵ Драматические любовные отношения также стоят в центре военного романа участника Балканских войн и Первой мировой войны Д. Васича (1885–1945) «Красные туманы» (1922).

⁶ Корач С. Српски роман између два рата. 1918–1941. Београд, 1982. С. 399–400.

⁷ Богдановић М. Станислав Краков: «Крила» // Српски књижевни гласник. Београд, 1922. Т. XI.

⁸ Корач С. Српски роман између два рата. С. 404.

На рубеже XX–XXI вв. сербская критика дала более высокую оценку произведению: «Крылья» сравнивали с романом «Дневник о Чарноевиче» (1921) классика сербской литературы М. Црнянского и с первым сербским романом-эпопеей «Время смерти» (1972–1979) Д. Чосича, а самого писателя называли «сербским Хемингуэем».

Роман Кракова, равно как и «Дневник» Црнянского и «Красные туманы» Д. Васича (1922), был написан в духе экспрессионизма. События в произведении развиваются динамично, стремительно¹. Краков представил картины войны в форме монтажа, напоминающего о кинематографе². Название романа – «Крылья» – свидетельствовало в первую очередь о крыльях самолетов и о мире, увиденном с высоты птичьего полета, а также о треугольных пологах военной палатки, называемых у сербов «крыльями». Два мира – мир военной романтики и мир окопной войны:

На земле люди копали новые ямы: рвы и могилы.

В воздухе внезапно появлялись аэропланы.

Крутились пропеллеры и гудели моторы.

И опять сияющие пропеллеры вращались с головокружительной быстротой³.

Сочетание различных планов ясно проявляется и при описании событий на земле. Уже в предварительной краткой главе под названием «Документ, который съела коза» вначале крупным планом показано, как коза поедает вывалившуюся из разбитого сундука полковую документацию, бумажную «капусту» и «насмехается» при этом над писарем и адъютантом⁴.

Вслед за этим сообщается о вспотевших солдатах, разгружающих другие сундуки и тюки. И тут же следуют две краткие фразы о порте, о кораблях и о купающихся моряках. Затем вновь следует упоминание о козе. Читатель видит то же, что и смещающийся глаз камеры.

При этом чередование сцен в романе может быть подчеркнуто даже графически: они отделяются друг от друга пунктирной линией. Так, сразу же после описания драматического полета неизвестных читателю персонажей, едва не завершившегося крушением, пунктиром отделяется сцена с двумя молодыми проститутками, а затем таким же способом выделяется разговор неизвестных офицеров.

В дальнейшем три фразы посвящены описанию сияющих прожекторов кораблей, затем пять фраз – тесным больничным баракам и, наконец, три фразы – поведению посетителей бара. По существу, перед читателем неожиданно появляются и так же неожиданно исчезают, казалось бы, случайные элементы огромной мозаики. Мозаики города Салоники в 1918 г. и – шире – всей прифронтовой жизни.

В романе фактически нет главного героя, автор, в отличие от Црнянского, не задерживает исключительного внимания ни на одном персонаже, не стремится дать его подробный психологический портрет. Он, безусловно, выделяет несколь-

¹ Известный сербский историк литературы Д. Витошевич писал: «Отличительные моменты экспрессионизма хорошо известны. Важнейший из них – так часто упоминаемый динамизм...» (*Црнянски Милош*. Сборник радова. Београд, 1972. С. 12).

² См.: *Петровић П.* Кинематографско писање // Петровић П. Авангардни роман без романа. Поетика кратког романа српске авангарде. Београд, 2008. С. 197–221.

³ *Краков С.* Крила. Антологија српске књижевности. 2009. С. 73: antikvarne-knjige.com/elektronskeknjige/assets/uploads/pdf-94/pdf Здесь и далее цитируется по данному изданию, страница указывается в тексте статьи.

⁴ П. Петровић в «Авангардном романе» отмечает, что «эта иронически окрашенная стилизованная сцена содержит в себе важное утверждение о бессилии официальных документов передать и сохранить истину о войне» (*Петровић П.* Авангардни роман без романа. С. 203).

ко действующих лиц, но все они проходят в тексте как бы пунктиром и упоминаются, как правило, в отдаленных друг от друга главах. Исключением, в определенной мере, является адъютант поручик Душан Капович. Его имя появляется на протяжении всего романа – от первой до последней страницы, где он и погибает. При этом непосредственно перед смертью, в XVII главе, получившей символическое название «Вечная радость», герой ощущает свое единение с миром и бесконечную радость и любовь. В порыве неземного счастья он поднимается на бруствер рва: «Душко улыбался. Все было так прекрасно... нет, люди не убивали друг друга... смерти не было... была только радость, единственная и вечная» (стр. 97)¹. И тут гремят роковые выстрелы...

Важную роль, как и у Црњанского, в романе Кракова играет природа. Однако она далека от идеала, созданного автором «Дневника о Чарноевиче». В «Крыльях» она может быть и врагом, и другом человека. Так, сербские солдаты, отправляясь в порт, «на своих натертых плечах помимо тяжелого военного снаряжения несли всю жару июльского дня, которую какие-то длинные крейсера привезли из далеких тропических стран, словно страшную восточную болезнь» (стр. 4). Однако, когда воины подходят к морю, морской воздух, воплощение динамизма и экспрессии, освежает их и пробуждает к жизни: «Это было опьянение воздухом. В бешенстве он шумел, бурлил, срывался на них с небес, радостный и холодный. Колол, словно острыми стрелами, и бил широкими плетями» (стр. 5)

Нарушение привычного ритма существования, быстрая смена событий, водоворот войны пробуждают в людях мысли о необходимости переустройства жизни. По словам писателя Казимира, у сегодняшних людей нет будущего. Молодежь осуждена на смерть, но при этом безумно веселится². Молодые воины, по Казимиру, это одновременно палачи и жертвы, убийцы и убитые. И далее герой почти цитирует рассказ сербского сатирика Р. Домановича (1873–1908) «Размышления обычного сербского вола». Обращаясь к молодежи, Казимир утверждает: «Вы словно волы, которые тянут пушки для других... А те хоть печально мычат» (стр. 18). И тут же повествователь продолжает: «Бесчисленные волы тащили серые пушки под страшный крик погонщиков».

Однако позиция повествователя далека от взглядов писателя, утверждающего, что обычные люди не должны умирать за власть имущих. Сразу же после слов Казимира повествователь говорит о светофорах, от которых расходились разноцветные воздушные волны. «Зеленые все отравляли, желтые все одурманивали, а красные все рушили. Были они так же красны, как кровь из легких Казимира. Туберкулезники всегда пророки разрушения» (стр. 13).

Еще большему осуждению подвергается «республиканец» майор Милорад, который видит «новое солнце» и «нового бога» и заставляет цыган играть «Марсельзу». И опять тут же следует упоминание светофоров.

Впрочем, и существующее положение вещей отнюдь не идеализируется Краковым. Когда сербский отряд входит в греческое село, крестьянин-грек, стремясь сохранить свое добро, приводит к офицеру свою тринадцатилетнюю дочь. А солдаты утром у колодца насилуют другую босоногую девочку. «Была она прилеж-

¹ Подобные чувства переживал в тот же период и М. Црњанский. В «Объяснении Суматры» он писал: «Я испытывал неизмеримую любовь к далеким скалам, снежным горам, протянувшимся вплоть до ледяных морей... У меня пропал страх смерти» (*Црњански М.* Сабрана дела. Т. 4. Београд, 1966. С. 219–220).

² См.: *Јовановић А.* Умирање у веселом лудилу (Станислав Краков. Крила. 1922) // Српски роман и рат. Деспотовац, 1999.

ной, так что раньше всех занялась хозяйством» (стр. 18). Чуть позже другой грек, жестоко избитый сербами староста, едва поднявшись с овечьей шкуры, «со слезами поднес хлеб освободителю», сербскому офицеру (стр. 19). Черный юмор и ирония проявляются у Кракова на протяжении всего романа.

Не менее жестоко ведут себя с мирным сербским населением и болгары: захватив сербское село, они за одну ночь насилюют там всех женщин и девушек.

С другой стороны, в Салониках процветает разврат. Там «были целые улицы, где царил блуд, где все пропахло помоями и мылом. Женщины у входа выставляли напоказ свои тела в коротких рубашках» (стр. 24). Разврату предаются и «непорочные женщины-шоферы с телами, как у худых мужчин. Они отправлялись на фронт, где мужчины всегда были в избытке» (стр. 24). Полным отсутствием стыда отличались медсестры. И даже женщины из хороших домов не могли избежать «веселого сумасшествия», пробужденного войной. Предаются любви и аристократки: баронессы, княгини, герцогини. Правда, у них свой круг мужчин: как правило, это адмиралы и генералы.

И все женщины в романе приносят мужчинам радость и болезни. Но и болезни были в радость, потому что спасали от фронта. К тому же женщины могли быть и источником дохода. Так, молоденькая Ноэмия отдает заработанные деньги пилоту по имени Сергие, но он берет лишь часть, а остальное, по словам автора, «честно ей возвращает» (стр. 25). То же происходит и с молоденькой блондинкой Зизи. У нее также забирает заработок любовник. Однако деньги ему действительно нужны: он постоянно проигрывается в карты.

Разгул Эроса, несомненно, обусловлен угрозой Танатоса, ощущением зыбкости и нереальности происходящего. Иногда Эрос и Танатос у Кракова в прямом смысле идут рука об руку. Так, раненый Душко Капович занимается любовью с баронессой Ивон рядом с трупом другого офицера, что доставляет и мужчине и женщине особое удовольствие.

Впрочем, в преддверии близкой и неминуемой смерти солдаты вспоминают о Боге. В ожидании неприятельской атаки, лишённые поддержки артиллерии, они берут флягу и передают ее из рук в руки:

– За упокой наших душ.

Никто не засмеялся. Во мраке ощущалось, что все лица застыли и заledenели... (стр. 30).

Затем следует атака. Фраза становится предельно краткой и энергичной, передающей бешеный ритм событий: «Что-то тяжело рушится, гремит, ревет, громыхает, топчет. Глухо вскрикнул придавленный офицер и вскочил на ноги. Полог палатки обмотался вокруг его головы. Сорвал его. Застучал зубами от ужаса. Обезумевшая мрачная толпа неслась, крушила, редела» (стр. 31).

В дальнейшем выясняется, что сербский отряд окружен и всех ждет плен или смерть. И здесь повествование обретает особую психологическую достоверность, раскрывая парадоксальность человека: «Каждый ощущал потребность убивать. Страх был столь силен, что все превратились в героев» (стр. 39).

Однако на войне все меняется мгновенно: сербам на этот раз приходит неожиданная помощь, и уже болгар ждет неминуемая смерть. При этом, несмотря на заботу адъютанта Душана, тяжело ранен командир отряда майор Милорад, и последние моменты его жизни представлены у Кракова с натуралистической достоверностью: «Душан стоял на коленях и с ужасом смотрел на белое мясо и текущую кровь. Кто-то прижимал повязку к ране, когда все вдруг увидели, как под расстегнутым ремнем из огромного кровавого отверстия ползет что-то густое»

(стр. 41). Глава заканчивается символической сценой: в руке скончавшегося майора застыл, как знамя, кровавый платок, однако следующая глава начинается с парадоксального утверждения: «Он все-таки не умер». Смерть, оказывается, можно обмануть.

Но и смерть может обмануть людей. Над мирными Салониками появляются пятнадцать вражеских самолетов, которые бомбят город и лагерь, в то время как собственные летчики до этого беззаботно развлекались в небе без боекомплектов. И лишь когда вражеские аэропланы, сбросив все бомбы, улетели, собственные пилоты поднялись в небо и «победоносно кружили над спасенным городом» (стр. 55).

Наряду с иронией и черным юмором в романе проявляется и лирическое начало. Так, в XIII главе с символическим названием «Сломанные крылья» действие неожиданно переносится то во Фландрию, то в Италию, то в Белоруссию, что рождает присущее экспрессионистам ощущение единства мира и что само по себе пробуждает эмоции, и начинается с описания сцены падения сбитых в бою аэропланов. Автор обращается к ритмической организации текста, инверсии, повторам. Лирическую окраску тексту придают сравнения с явлениями природы и с возвышенными моментами из жизни человека:

Падали аэропланы на равнины Фландрии, невидимые в тумане, пока воздух наполнялся шумом от их сломанных крыльев, словно от бегства стаи испуганных птиц...

Падали аэропланы сквозь румяные облака в пламя рядом с Изонцо, а за ними тянулись в воздухе клубы дыма. Падающие машины ломали желтый камыш в Пинских болотах (стр. 73).

При этом лирическое начало тесно соприкасается с началом драматическим и трагическим: самолеты все же разбиваются. В дальнейшем эта картина повторяется в случае с конкретными героями произведения. Пилоты Бора и Сергие летят бомбить вражеские позиции, и вначале все выглядит романтично. Порывы ветра напоминают Боре сладкие поцелуи нежных губ. Однако когда по ним начинает стрелять артиллерия, ситуация меняется: «Воздух уже не осыпал поцелуями лицо, но бил плетью... Аппарат превратился в беспомощную игрушку посреди бесконечных просторов» (стр. 76). В дальнейшем два вражеских самолета, «два ворона», «два витязя-крестоносца», сбивают Бору, и он, весь в огне, вывалившись из самолета, как «горящий метеор», летит к земле.

Война в экспрессионистском романе Кракова представлена во всех ее проявлениях: храбрости и трусости, благородстве и подлости. Это торжество Эроса и Танатоса, сочетание романтических порывов и натуралистических сцен, драматического и лирического начала. Доминирующий в романе прием монтажа передает динамизм военного времени, изображение жизни на грани смерти. Так же как и М. Црнянский в романе «Дневник о Чарноевиче», так же как и Д. Васич в романе «Красные туманы», С. Краков не говорит прямо о патриотических чувствах своих героев, однако все солдаты в романе неразрывно связаны со своими семьями, со своей малой родиной.

ЛИТЕРАТУРА

Берец Н. Стопама Станислава Кракова: doi.org/10.18485/bratstvo.2017.21.10

Јовић Б. Лирски роман српског експресионизма. Београд, 1994. 149 с.

Кораћ С. Српски роман између два рата. Београд, 1982. 605 с.

Петровић П. Авангардни роман без романа. Поетика кратког романа српског експресионизма. Београд, 2008. 349 с.

Српски роман и рат. Деспотовац, 1999.

Vučković R. Poetika hrvatskog i srpskog ekspresionizma. Sarajevo, 1979. 418 s.

REFERENCES

Berets N. In the Footsteps of Stanislav Krakov: doi.org/10.18485/bratstvo.2017.21.10

Jovich B. (1994) The Lyrical Novel of the Serbian Expressionism. Belgrade. 149 p.

Korach S. (1982) The Serbian Novel of the Interwar Period. Belgrade. 605 p.

Petrovich P. (2008) The Avant-garde Novel Without a Novel. Belgrade. 349 p.

The Serbian Novel and War. Despotovats. 1999.

Vuchkovich R. (1979) The Poetics of Croatian and Serbian Expressionism. Sarajevo. 418 p.

Сведения об авторе:

Сергей Николаевич Мещеряков,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Sergey N. Meshcheriakov,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
pionerskaya@bk.ru